

БАВИЛОНСКИЕ АРХИВЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ (*M. JURSA. Neo-Babylonian Legal and Administrative Documents: Typology, Contents and Archives (Guides to the Mesopotamian Textual Record. Vol. 1). Münster, 2005. XI, 189 p.*)

Рецензируемый труд представляет первую (притом весьма успешную) попытку распределить нововавилонские юридические, административные и хозяйственные тексты по их типологии и содержанию, а также по их принадлежности к тем или иным архивам, и сделать более доступными читателям результаты недавних ассириологических исследований в этой области. Работа предпринята в рамках международного проекта «Экономическая история Вавилонии I тысячелетия до н.э.», который возглавляет Михаэль Юрса, известный своими многочисленными исследованиями в этой области. В дальнейшем предполагается издать в той же серии соответствующие руководства по месопотамской литературе, лексикографии и гадательным текстам.

Рассматриваемое здесь исследование основано на изучении приблизительно 20500 документов, преобладающее большинство которых происходит из Вавилона, Борсиппы, Ниппура, Сиппара и Урука и сопровождается описанием основных групп архивов. Почти все эти тексты принадлежат храмовым и частным архивам клинописных документов. Что же касается государственных архивов, пока нам известна только группа текстов о выдаче пайков с дворцовых складов царя Навуходоносора II в первой половине VI в. до н.э. значительной группе лиц чужеземного происхождения, которые находились в Вавилонии по различным причинам (военнопленные из финикийских городов и эламских областей, египетские сторожа кобыл и обезьян, беженцы из Мидии и т.д.). Как нам представляется, отсутствие других текстов из государственных архивов можно хотя бы отчасти объяснить тем, что обычно такие документы записывались на вощеных табличках или на папирусе, возможно, на арамейском языке и поэтому не могли долго сохраняться в условиях месопотамского климата.

Информация о документах в книге дана в алфавитном порядке городов, откуда они происходят, а затем по именам их владельцев. Остановимся сначала на храмовых архивах, два из которых содержат весьма внушительное количество текстов. Первый из них принадлежал святилищу богини Иштар в Уруке Эанне, а второй Эаббару, храму бога Шамаша в Сиппаре. Из Эанны сохранилось около 8000 документов, которые оказались разбросанными по различным коллекциям США, Парижа, Берлина и Лондона, поскольку они происходят из нелегальных раскопок. Кроме того, немецкими археологами в том же городище было найдено несколько тысяч табличек (преимущественно фрагментов) из архивов того же храма. Часть документов относится к периоду ассирийского господства над Вавилонией, но основная информация в них начинается с правления вавилонского царя Набопаласара (626 г. до н.э.) и продолжается до второго года Дария I (520 г. до н.э.), а после этого времени сохранилась лишь небольшая часть документов. Из того же архива имеется также около 250 уже опубликованных и еще 220 неизданных текстов селевкидского времени.

Архив Эаббара представлен огромным количеством текстов (приблизительно 35000 единиц). Основная часть их (так называемая Сиппарская коллекция) хранится в Британском музее, а остальные в Переднеазиатском музее в Берлине и еще в нескольких других хранилищах. Архив этот также состоит из двух частей: 5000 документов датированы различными годами от последних десятилетий ассирийского владычества до середины правления Навуходоносора II, а остальные тексты относятся ко времени до второго года правления Ксеркса (484 г. до н.э.). Весь этот архив был положен в одном из храмовых складов после того, как из него были выделены наиболее важные документы, которые все еще сохраняли свою актуальность. Документы в основном фиксируют поступление храмовых доходов и их последующее расходование.

Документация таких храмов, как Эсагила (святилище верховного вавилонского бога Мардука в столице страны) и Эзида (храм бога писцового искусства Набу) в Борсиппе, а также Экур в Ниппуре, посвященный богу Энлилу, и ряд других храмовых архивов представлены в основном лишь случайными находками.

Большинство документов из частных архивов принадлежало представителям достаточно зажиточных групп городского населения. Прежде чем перейти к рассмотрению таких архивов, Юрса останавливается на вопросе о различных видах собственности вавилонян, способах ее приобретения и передачи по наследству путем дарения, приданого и усыновления. При дележе

имущества старшему сыну полагалась двойная доля и право выбора. Дети от первой жены получали в два раза больше имущества, чем наследники от более позднего брака. Самую важную часть имущества составляла недвижимость в городе и сельской местности, а также доходы от пребэнд в храмах. На земельной собственности была основана также государственная налоговая и повинностная системы. В частности, государство выделяло участки земли взамен за выполнение трудовых и воинских повинностей.

Необходимость в интенсивном ведении хозяйства принуждала многих землевладельцев переходить к разведению финиковых пальм. Площадь финиковых рощ обычно составляла один или два *кура* (1 *кур* земли равнялся 12500 кв. м), и с одного кура земли в среднем можно было получить 30 кур фиников (1 кур фиников или зерна составлял 180 л).

После вводных глав автор переходит к краткому описанию всех известных нам архивов рассматриваемого времени. Среди владельцев таких архивов были, в частности, давно хорошо известные могущественные предпринимательские дома, которые владели большими земельными массивами, многочисленными рабами и другим имуществом. К их числу принадлежал дом Эгиби, который функционировал в Вавилоне и других крупных городах Месопотамии с конца VIII до первых десятилетий V в. до н.э. и играл значительную роль не только во внутренней, но и во внешней торговле. Примечательно, что некоторые члены этого дома занимали высокое положение в государственной структуре (например, в качестве царских судей). Архив этого дома состоит приблизительно из 2000 документов. Другой уникальный предпринимательский архив, в котором сохранилось более 730 документов, принадлежал известному дому Мурашу, который функционировал в V в. до н.э. в Ниппуре и его округе. Члены этого дома занимались предпринимательством в области сельского хозяйства в качестве посредников между крупными землевладельцами и арендаторами. По количеству документов третье место занимает архив Римут-Набу из Борсиппы, где сохранилось более 400 табличек, из которых пока опубликовано всего несколько единиц. Это был весьма богатый дом. Например, в одном контракте от 502 г. говорится о продаже им земельных владений и другого имущества на общую сумму более 50 мин серебра (притом, что за несколько мин можно было купить дом).

Большинство архивов содержит гораздо меньше табличек. Например, архив жителей Борсиппы в пяти поколениях, самым видным представителем которых был Мардук-шум-ибни, состоит из 250 табличек, разбросанных по музейным коллекциям Лондона, Берлина, Парижа и других городов. Среди табличек этого собрания имеются завещания, документы о разделе имущества, о приданом и наследовании имущества, а также об уплате государственных налогов. Кроме того, в том же архиве были обнаружены восемь документов относительно имущества других лиц, которые были составлены упомянутым выше Мардук-шум-ибни. Из этих текстов видно, что он был не только предпринимателем, но и писцом.

Одна семья пивоваров во главе с неким Нергал-этиром владела храмовыми пребандами не только в своем родном городе Сиппаре, но также и в Вавилоне, в его главном святилище Эсагиле. Кроме того, эта семья занималась торговлей в самом Сиппаре и за его пределами (см. с. 126).

Особый интерес представляет архив Бел-ремани из Сиппара, который состоит не только из деловых и хозяйственных документов (184 единицы), но также из 88 медицинских и магических текстов, в настоящее время хранящихся в собраниях Британского, Берлинского и ряда других музеев. Особенность этого архива заключается в том, что его тексты использовались для обучения писцовому делу учеников в доме Бел-ремани. Последний вместе со своим братом владел пребандами пивовара и пекаря в храме Эбаббар в Сиппаре и еще в одном святилище того же города. Семья эта имела также сад и другие земельные участки, арендовала и сдавала в субаренду поле, принадлежавшее храму. Как видно из этих документов, Бел-ремани был не только предпринимателем, но и занимался врачебной деятельностью.

Значительный интерес представляет архив из города Ур, где представлены семь поколений одного рода, от 29 г. Навуходоносора II до 4 г. Дария III, т.е. от 576 до 332 г. (см. с. 133). В другом архиве содержатся документы о приобретении его владельцем в течение 45 лет различных видов собственности в Вавилоне и его округе (см. с. 146).

Среди владельцев архивов упоминаются и женщины. Например, некая Инцабту оставила архив документов о выдаче ссуд, продаже рабов и других сделках, из которых видно, что она была состоятельной и могла свободно распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению.

В рецензируемой книге дан в переводе или изложении ряд ранее не издававшихся документов. Из них значительный интерес представляет текст BM 54 558 от ахеменидского времени, по свидетельству которого одна рабыня «добровольно отдала своего сына» в распоряжение другого раба на четыре года для обучения производству определенного вида одежды (*suhattu*). «Он

должен обучить его этому ремеслу в совершенстве... Если же не научит его, то должен платить ей (т.е. матери мальчика) по 2 ка (около 2 л) ячменя за каждый день (пребывания у него этого ученика) в качестве компенсации». В документе также содержится оговорка, что мать этого мальчика должна снабжать его в течение первых двух лет обучения едой и одеждой. Очевидно, остальные два года он мог жить за счет своего труда (см. с. 37).

В заключение остановимся на нескольких отдельных замечаниях. На с. 87–89 Юрса ссылается на ряд текстов налогового и повинностного содержания, которые, по его мнению, были составлены «в Сузах». Однако кроме Суз, столицы Элама, существовал еще один город с тем же названием (Susa), который был расположен в Вавилонии, в районе Борсиппы. Автор книги не уточняет, с какими именно Сузами связаны обсуждаемые документы, но на основании их контекста и топографических данных можно полагать, что, по всей вероятности, речь идет о Сузах в Месопотамии¹.

По мнению Юрсы, соотношение между административными терминами *pīhātu* и *šākin tēmi* остается неясным (с. 53). Нам представляется, что первый из этих терминов следует толковать как «областенаачальник», а второй – как «градоначальник». Автор книги полагает, что «областенаачальник» по имени Шамаш-ах-иддин был наделен большой властью, поскольку он известен по источникам из Сиппара, а также упоминается в одном тексте из Урука (там же, прим. 53, где также даны ссылки на тексты). Однако с почти полной уверенностью можно полагать, что здесь мы имеем дело с двумя различными лицами, патронимия которых не приводится ни в одном из текстов и которые несли службу в далеких друг от друга городах на севере и юге Месопотамии. Юрса склонен считать, что власть наместника (так он толкует термин *šākin tēmi*) Вавилона распространялась также на Сиппар, где должностное лицо (имя его не приводится) с таким титулом упоминается в нескольких текстах (с. 54, прим. 325). Но автору настоящей рецензии приходилось отмечать, что функции наместника Сиппара выполнял чиновник, который носил титул *šangû*².

В заключение остановимся еще на нескольких мелких замечаниях. Отмечая, что термин *mār-banê* обычно переводят «свободный» или «свободный гражданин» (free citizen), Юрса считает, что в большинстве случаев было бы точнее передавать его значение словами *notable* или *gentleman* (с. 9–10). Но, пожалуй, лучше придерживаться принятого перевода этого термина словом «свободный», так как это полнее отражает его значение как антонима раба или зависимого человека. Относительно аккадского термина *puhru*, который обычно переводят «народное собрание», Юрса полагает, что это не «подлинное» (genuine) народное собрание (с. 10, прим. 44). Как представляется автору этих строк, в Месопотамии «народное собрание» по своим функциям и юрисдикции мало чем отличалось от соответствующих органов в других древних (и даже в более поздних) обществах. Там же Юрса полагает, что статус храмового раба (у автора *serf* – «крепостной») и свободного не исключал друг друга («are not mutually exclusive»). Однако нам представляется, что существовало четкое и полное противопоставление между храмовым рабом и свободным, и соответственно человек не мог быть одновременно свободным и принадлежать храму. Единственным основанием для такого вывода является документ, который, насколько я могу судить, был ранее неверно истолкован³.

Книга снабжена обстоятельной библиографией и необходимыми указателями. По охвату материала и уровню его интерпретации это весьма значительный и важный труд, дающий вполне адекватное представление о современном состоянии изученности архивов нововавилонских документов, за что хочется выразить глубокую признательность его автору.

М.А. Дандамаев

¹ Cp. Dandamayev M.A. Susa, the Capital of Elam, and Babylonian Susa // *Altes Orient und Altes Testament*. Bd 274. Münster, 2003. S. 8–14.

² Dandamayev M.A. Neo-Babylonian and Achaemenid State Administration in Mesopotamia // O. Lipschits – M. Oeming. *Judah and the Judeans in the Persian Period*. Winona Lake, 2006. S. 389–391. Относительно должности *šākin tēmi* см. также Чехович Н.О. Вавилоняне – служители храмов: в Вавилонии или в Финикии? // *История и языки Древнего Востока: памяти И.М. Дьяконова*. СПб., 2002. С. 331–332, где опубликован документ времени Навуходоносора II с упоминанием градоначальников Киша и Дилбата, которые носили этот титул.

³ См. рецензию автора этих строк на кн.: Weisberg D.B. *Neo-Babylonian Texts in the Oriental Institute Collection* (Chicago, 2003) // ВДИ. 2006. № 2. С. 202–203.